

нее: «Анжелика — это одно из самых ценных приобретений в моей жизни». — В.К.)

— Как вы себя чувствуете в семье, где, по вашим словам, семь женщин — жена, три дочери, теща, бабушка жены плюс черепаха?

— Черепахи, к сожалению, уже нет, но женщины по-прежнему преобладают. Правда, у нас есть еще кот. Когда его только принесли, он был белым, а на голове — черный хохолок. Потом этот хохолок пропал. Все кота зовут Пегас, но мне кажется, это имя ему не подходит. Поэтому я его называю Лас Пегас. От женщин в нашей семье мы с котом отличаемся тем, что не можем так много, как они, разговаривать.

— Молчите?

— Должен же кто-то освободить жизненное пространство.

— Я слышала, что черепаху у вас звали Тротиллой, видно, сыграла тут свою роль вторая ваша специальность — сапер. А первая, архитектура, на интервьюе квартиры, наверное, отразилась?

— Да, в одном месте я сломала стену, в другом — построил. Больше в нашей квартире ничего не сделаешь.

Сейчас частенько можно увидеть его рисунки, словно он вдруг вспомнил, что когда-то хотел быть художником. Однажды даже

сказал, что рисует лучше, чем сочиняет музыку.

— Я недавно видела ваш рисунок «Бабочка». У вас с бабочкой ассоциируется нечто яркое и мощное, напоминающее клубок?

— Я не помню этого рисунка. Вообще, я в основном рисую компьютерной мышкой, а потом смотрю, на что это похоже, и даю название. Точно так же, как, знаете, когда видишь тени на потолке или морозные узоры на стеклах окон, всегда ассоциации какие-то возникают.

— А книгу свою «Сто состояний» все еще пишете?

— Она у меня перманентная какая-то получается.

— Сколько страниц написали?

— Не знаю — пишу, вычеркиваю, переписываю.

— Заканчивать не собираетесь?

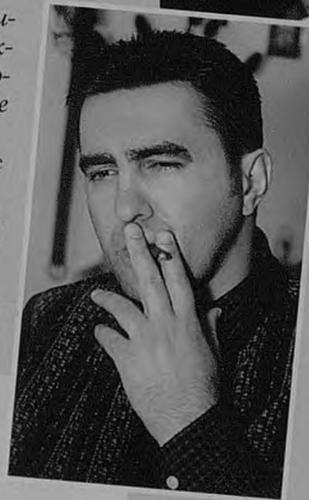
— Закончу, когда пойму, что больше ничего невозможно сделать... или переделать.

— Вы рисуете, пишете музыку, тексты к ней, книгу, поете... А что вы еще делаете?

— А этого вполне достаточно.

— Сразу вспоминаются люди эпохи Возрождения.

— Замечательный период был! Кстати,

один из моих кумиров — Леонардо да Винчи, но я восхищаюсь им не как гениальным художником, а как человеком универсальным.

— Хотели бы жить в ту эпоху?

— Не знаю. О, смотрите, вы мухе понравились,

она около вас летает. Это дрессированная муха.

— Почему дрессированная?!

— Она всегда здесь обитает, даже когда все окна открыты — не улетает.

— Она просто голодная — вон на сахарницу села.

— Нет, она любопытная. Ее зовут Это-Это.

— Вы любите давать имена даже мухам? Такой особый мир. А себя как воспринимаете в этом мире?

— По-разному. В зависимости от настроения.

— Что вы делаете с подарками, которые вам дарят после концертов?

— В основном раздариваю. Или приношу в студию, устраиваю мини-инсталляции. (На стенах студии развешаны футболки, глиняные фигурки и даже тельняшка с бескозыркой. — В.К.) Но иногда

дарят что-то необычное. Подарили однажды молитву с иконой святого Вячеслава Чешского. Или книгу, которая мне как художнику была интересна и полезна.

— Вы чувствуете разницу в восприятии своих старых песен, которым уже по десять лет?

— К своим песням я вообще отношусь спокойно. Период трогательности длится, пока песня создается, а потом все проходит. Петь одно и то же страшно надоест. Но сколько я ни экспериментировал, сколько ни пробовал — без них обходиться не удастся. Существует странная вещь: самые халивные песни становятся наиболее популярными. Так было и с «Гуд-бай, Америка!». Мы сочинили ее наспех, а теперь ни один концерт без нее не обходится. У меня иногда такое ощущение, что если два часа будешь петь одни и те же несколько песен, то публика очень довольна будет.

— «И горе мне, если впал я в безмолвие», — написано у вас на главной странице сайта. Это для вас актуально?

— Конечно, хотя не я это придумал и сказал. Впасть в безмолвие — страшно, а для меня — неприемлемо.

Валерия Кузнецова
Фото Ильи Беляева/Photonet,
Владимира Егорова,
Дмитрия Лекая/Photonet
и из архива Вячеслава Бутусова

Три из ста
состояний Бутусова

